
Проблема насилия в контексте гендерной методологии: социально-философский анализ

© 2020 г. Е.Б. Хитрук

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, 634050, пр. Ленина, д. 36.*

E-mail: lubomudreg@gmail.com

Поступила 07.05.2020

В данной статье концепция гегемонной маскулинности австралийского социолога Рэйвин Коннелл рассматривается как теоретико-методологическая первооснова для осмысления насилия как социального феномена. Насилие выступает в качестве стабилизирующего механизма мирового гендерного порядка, призванного поддерживать нормативный канон гегемонной маскулинности во всех сферах социума. Данное исследование призвано формировать осторожное отношение к оперированию гендерными терминами и схемами в экспликации базовых предпосылок проблемы насилия. Гендерный характер насилия не означает того, что все насилие в мире совершается мужчинами против женщин. Гендерная методология открывает более сложную, подвижную, историчную схему подавления и мужчин, и женщин со стороны нормативного канона гегемонной маскулинности. Этот идеализированный и идеологизированный эталон функционирует в культуре как этический императив, задающий четкие основания социальной структуры в целом и стабилизирующий социальную систему посредством многообразных практик насилия. В статье делается вывод о том, что уменьшение масштаба насилия в обществе тесно связано с ослаблением влияния традиционной гендерной схемы.

Ключевые слова: насилие, гендерные режимы, гендерный порядок, гегемонная маскулинность, Рэйвин Коннелл, гендерная методология.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-36-45

Цитирование: *Хитрук Е.Б.* Проблема насилия в контексте гендерной методологии: социально-философский анализ // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 36–45.

The Problem of Violence in the Context of Gender Methodology: Socio-philosophical Analysis

© 2020 Ekaterina B. Khitruk

National Research Tomsk State University,
36, Lenina av., Tomsk, 634050, Russian Federation.

E-mail: lubomudreg@gmail.com

Received 07.05.2020

In this article, the concept of hegemonic masculinity of Australian sociologist Raewyn Connell is considered as a theoretical and methodological basis for understanding violence as a social phenomenon. Violence is seen as a stabilizing mechanism of the world gender order, designed to support the normative canon of hegemonic masculinity in all spheres of society. This study is designed to form a cautious attitude to the operation of gender terms and schemes in explicating the basic prerequisites of the problem of violence. The gendered nature of violence does not mean that all violence in the world is committed by men against women. Gender methodology opens up a more complex, moving, historical scheme for suppressing both men and women from the normative canon of hegemonic masculinity. This idealized and ideologized standard functions in culture as a kind of non-alternative ethical imperative that sets clear foundations for the social structure as a whole and stabilizes the social system through a variety of practices of violence. The article concludes that the reduction in the scale of violence in society is closely related to the weakening of the influence of the traditional gender scheme.

Keywords: violence, gendered regimes, gender order, hegemonic masculinity, Raewyn Connell, gender methodology.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10–36–45

Citation: Khitruk, Ekaterina B. “The Problem of Violence in the Context of Gender Methodology: Socio-philosophical Analysis”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2020), pp. 36–45.

В современном обществе плюрализация мужских практик и эталонов поведения становится все более очевидной. Однако независимо от того, сколько именно типов и образцов мужского поведения фактически имеет место, неизменным условием их сосуществования в едином культурном пространстве продолжает оставаться иерархическая структура. Самая значительная на данный момент методология, направленная на экспликацию основных моментов гендерного порядка, объединяющего и структурирующего многообразие маскулинных паттернов культуры, является концепция гегемонной маскулинности австралийского социолога, классика мужских исследований – Рэйвин Коннелл. В рамках данной концепции гегемонная маскулинность рассматривается как некий организующий принцип, задающий как социальную структуру, так и динамику социальной игры.

Все аспекты общественной системы рассматриваются Коннелл как в той или иной степени направленные на поддержание неосязаемого гендерного порядка доминирования определенной формы маскулинности, удерживающей все остальные модификации маскулинности и все без исключения модификации фемининности на различных субординированных позициях. «Гегемонная маскулинность, – утверждает Рэйвин Коннелл, – всегда конструируется по отношению к разнообразным подчиненным маскулинностям, а также по отношению к женщинам» [Коннелл 2015^a, 249].

При этом данная гегемония (как сочетание двух фундаментальных принципов доминирования – «силы» и «согласия» [Грамши 1959, 220] не обусловлена эссенциально, но является сложной, динамичной и историчной конструкцией, открытой к преобразованию и, тем не менее, обладающей чрезвычайно эффективными механизмами обеспечения своей стабильности. Сами стабилизирующие механизмы «мирового гендерного порядка» [Коннелл 2001, 858] помогают включать в существующую структуру доминирования наряду с фактическим многообразием форм и практик маскулинности и фемининности также самые разнообразные способы сопротивления системе, в том числе и тенденции либерализации, и эгалитарную риторику.

Гегемония, таким образом, реализуется на уровне тончайшего сочетания откровенных практик субординирования посредством гендеризованных социальных институтов и менее явных практик «игры социальных сил» [Коннелл 2015^a, 250]. Это сочетание возможно, прежде всего, благодаря тому, что гегемонная маскулинность представляет собой не определенный тип мужского характера, не совокупность определенных психологических черт или социальных функций, но нормативный канон цивилизации, реализующий свое доминирование не в форме открытой репрессии, но в форме согласования всех наличных факторов и тенденций.

Таким образом, концепция Рэйвин Коннелл денатурирует маскулинность, то есть выводит это понятие из контекста природной заданности или эссенциальной обусловленности, помещая в контекст социальной нормативности. Именно данная денатурализация позволяет осмыслить сосуществование в современном обществе ясно обозначенной тенденции к плюрализации форм и практик маскулинности, с одной стороны, и невозможности рассматривать все обозначенные формы и практики как равнозначные – с другой. В каждой конкретной ситуации то или иное поведение мужчины неизбежно оценивается с точки зрения соответствия или несоответствия гегемонному нормативному канону и как следствие занимает свое место в иерархической структуре гендерного порядка. Как отмечает известный американский социолог Майкл Киммел, «мужественность становится растянувшейся на всю жизнь попыткой продемонстрировать факт ее достижения» [Киммел 2006^b, 38]. Не являясь фактом осязаемым и наблюдаемым, гегемонная маскулинность, тем не менее, обуславливает наличие или даже культивирование самых разнообразных усилий по реализации задаваемого ею нормативного канона, вследствие чего «любой встреченный вами мужчина обладает рейтингом или оценкой самого себя, с которой он никогда не расстанется и которую он никогда не забывает» [Там же].

Нормативная природа гегемонной маскулинности, а также продуцируемая ею система доминирования, рассматриваются в современной социальной теории как наиболее эффективные методологические предпосылки осмысления насилия как социального феномена. Если наша культура в целом имеет андроцентричный характер, если «настоящая мужественность» разыгрывается как трофей в сложной и многоуровневой игре социальных сил, то насилие вполне может быть представлено как одно из средств реализации мужского доминирования, делающее явными те механизмы гендерного порядка, которые на более глубоком уровне задают жизнеспособность всей социальной системы.

Более того, «политика маскулинности» делает насилие необходимым элементом социальной системы. Как отмечает Коннелл, «структуру неравенства в таком масштабе, вовлекающем массовое лишение доступа к социальным ресурсам, трудно вообразить без насилия» [Коннелл 2015^b, 62]. При этом насилие должно быть осмыслено в двух основных аспектах: относительно женщин и относительно мужчин. Как это ни удивительно, андроцентрический характер культуры не избавляет мужчин от практик подавления и унижения, имеющих в том числе физический и сексуальный характер. Напротив, мужчины, как и женщины, испытывают на себе все напряжение социальной борьбы за реализацию нормативного канона гегемонной маскулинности. Этот факт делает еще более явным то обстоятельство, что гегемонная модель маскулинности не представляет собой некую сущность как тип характера или совокупность

определенных свойств или функций. Гегемонная маскулинность является нормативным канонem или императивом культуры, реализация которого возможна только в форме борьбы за символический капитал [Бурдые 2005], с последующей демонстрацией «трофея». Это своеобразный социальный перформанс, принуждающий мужчин и женщин давать свое согласие на следование абстрактному и разрушительному по своим последствиям идеалу «настоящей мужественности».

Как отмечает Коннелл, многие примеры насилия над женщинами демонстрируют, что физическое развитие конкретной женщины зачастую достаточно для того, чтобы дать отпор агрессору, однако женщина заранее принимает взгляд на себя как на существо слабое и беззащитное, что усугубляет ее положение и заранее придает статус жертвы. Этот факт подтверждает тезис Коннелл о том, что практики физического насилия в целом базируются на более тонких механизмах гегемонии, вынуждающей игроков на согласие участвовать в данной социальной игре.

Таким образом, маскулинизированная политика насилия производит специфические мужские и женские практики подчинения базовому гендерному порядку культуры. Если относительно женщин эти практики подчинения имеют характер «запугивания» «от посвистывания на улице до домогательства на работе, изнасилования и домашнего насилия, убийства женщины ее патриархальным “хозяином”, например обманутым мужем» [Коннелл 2015^b, 62], то относительно мужчин задействуются более масштабные схемы вовлечения в насилие, как, например, военные структуры, преступные группировки и т.п.

Невидимость мужского гендера

Хотя жертвами насилия становятся, как было отмечено выше, и женщины, и мужчины, инициаторами конкретных насильственных действий в подавляющем большинстве являются представители мужской половины человечества. Несмотря на то что в рамках мужских исследований уже порядка четырех десятилетий обсуждается проблема связи между представлением о настоящей мужественности и насильственными практиками, серьезное общественное внимание к этой проблеме привлекается достаточно редко. Как отмечает Майкл Киммел, проблема насилия так редко ставится и осмысливается в гендерном контексте, что это не может не вызывать искреннего удивления. «Как же наши социальные комментаторы обсуждают эти проблемы? – пишет Киммел – Замечают ли они, что проблемы молодежи и насилия являются на самом деле проблемами молодых мужчин и насилия? Они когда-нибудь говорят о том, что как только этнический национализм где-нибудь поднимает голову, то это голова молодого мужчины? Говорят ли они о мужественности вообще?» [Киммел 2006^a, 22]. Отнюдь. Обсуждение насилия, в том числе и особенно актуальной в настоящее время террористической угрозы, продолжает вращаться в контексте этнической, политической, возрастной, религиозной специфики. Здесь, конечно, сказывается и распространенное клише, согласно которому гендерная проблематика представляет собой исследование женщинами своего ущемленного положения в обществе и в этом смысле не имеет отношения к таким серьезным и глобальным проблемам, как терроризм. Однако в основе самого этого клише лежит еще более фундаментальное допущение, согласно которому гендер вообще является синонимом женственности, в то время как мужчины и мужественность являются своеобразной нормой человечности и мерилom объективности [Бадентэр 1995; Бем 2004; Бурдые 2005; Зиммель 1996]. Таким образом, именно «невидимость» мужского гендера способствует игнорированию фундаментальной проблемы взаимосвязи традиционного представления о мужественности с нормами и практиками насилия в обществе. В то же время, как отмечает Майкл Киммел, мальчикам в нашем обществе с самого детства внушается, что насилие – не только не является поводом для порицания и осуждения, но, напротив, является предметом восхищения, а демонстрация своего физического превосходства сообщает мальчикам и юношам ценнейший трофей мужественности в глазах окружающих

людей. Рафинированная риторика ненасилия («нельзя бить девочек», «учись убеждать словами, а не кулаками») оказывается бессильной перед императивным давлением «мальчишеского кодекса» [Поллак 2014], а также перед «говорящим» и «убеждающим» тоном игрушек для мальчиков, в большинстве своем вооруженных «до зубов», а также других предметов мальчишеского обихода, таких как агрессивные компьютерные игры, одежда, транслирующая образы военной техники, канцелярские товары с военной символикой и т.п. [Bozkurt, Tartanoglu, Dawes 2015, 259]. Поэтому необходимо признать, что, как отмечает Майкл Киммел, «за неимением другого культурного механизма, посредством которого юноши могут осознавать себя в качестве мужчин, они с готовностью приняли насилие как способ становления мужчинами» [Kimmel 2004 web].

Насилие, таким образом, может быть рассмотрено как неотъемлемая часть самого понимания маскулинности, которое складывалось в течение значительного периода существования западноевропейской цивилизации. Классическая бинарная модель сущего, трактующая мир в дуалистическом контексте сосуществования противоположностей (душевное/телесное, разумное/чувственное, активное/пассивное и т.п.), обусловила единую матрицу интерпретации мужского и женского начал. Категория «мужское» вследствие указанных теоретических построений оказалась нагружена такими значениями, как интеллект и активность, зачастую интерпретируемыми как естественное право на доминирование и физическую агрессию. Как утверждает австралийская исследовательница Кэйт Сеймо (Kate Seymour), классический эссенциализм предполагает жесткое бинарное разделение не только относительно мужских и женских психологических особенностей, но и относительно мужских и женских тел – «мужские тела в этой перспективе рассматриваются как естественно «сильные и непроницаемые»; женские тела как уязвимые» [Seymour 2011 web]. Таким образом, опасность и уязвимость становятся не умозрительными характеристиками, не социально значимыми позициями, но запечатленными в телах, видимыми и осязаемыми элементами поддержания гендерного порядка культуры. Быть мужественным, следовательно, означает не только придерживаться определенных принципов, но и вести себя и выглядеть соответственно, демонстрируя силу и неуязвимость, поддерживая (или конструируя) наглядную дистанцию по отношению как к женским психологическим особенностям (то, что принято обозначать как специфически женское – эмоциональность, открытость, слабость), так и к женским телам. В терминологии Пьера Бурдьё, данное использование тела и телесных практик для утверждения гендерных диспозиций социума обозначается как соматизация и рассматривается как фундаментальный принцип обеспечения жизнеспособности эссенциальной бинарной модели бытия, социума и человека. «Посредством постоянной работы по воспитанию, – пишет П. Бурдьё, – социальный мир конструирует тело одновременно и как вещь, имеющую определенные половые характеристики, и как хранилище категорий восприятия и оценивания, способных воспринять объект сквозь призму половых признаков, которые применяются к самому телу в его биологической ипостаси» [Бурдьё 2005, 303]. Существование мужских (сильных, физически развитых, активных, доминирующих, опасных) и женских (хрупких, уязвимых, слабых) тел, таким образом, является не естественной дихотомией и не красивой традицией, но достаточно четким и отлаженным механизмом поддержания жизнеспособности эссенциальной схемы мировосприятия и базирующейся на ней социальной структуры гендерного порядка.

Поэтому, несмотря на то, что насилие как социальный феномен «тотально и многолико» [Гишинский 2013, 4], следует признать, что основные формы насильственных практик, жертвами которых повсеместно становятся как женщины, так и мужчины (по некоторым данным, мальчики и мужчины не реже [Alison 2007, 90], а иногда и чаще [Сизова 2013, 370] становятся жертвами насилия), имеют отношение к «утверждению доминантной маскулинности как социальной нормы» [Клэйдина, Иоффе 2015, 12].

Игнорирование гендерной специфики проблемы насилия связано с редукцией этого многомерного социального феномена к его внешним проявлениям, которые,

безусловно, должны быть оценены с правовой точки зрения, однако вне контекста гендерной методологии попросту не могут быть поняты, а следовательно, адекватно изучены и хотя бы частично преодолены.

Как отмечает американская исследовательница Одри Омар (Audrey Omar), «гендер везде и затрагивает каждого» [Omar 2011 web]. Наивная точка зрения, согласно которой гендер – определенный способ, с помощью которого женщины обсуждают свои проблемы, представляет собой продолжение классической бинарной схемы, обозначающей женщину как некое отклонение от человеческой (мужской) нормы. Как отмечает Рэйвин Коннелл, «гендер – это способ структурировать социальную практику в целом, а не особый тип практики» [Коннелл 2015^b, 55], следовательно, необходимо, прежде всего, исследовать насилие как один из механизмов обеспечения стабильности гендерного порядка. Увидеть мужское в гендерном контексте означает осмыслить его как совокупность совершенно определенных значений, отсылающих к активности, силе, неуязвимости, эмоциональной скованности. Такое осознание могло бы стать первым шагом к адекватной постановке проблемы насилия в современном обществе.

Гегемонная маскулинность против мужчин

Исследование гендерных режимов насилия демонстрирует, с одной стороны, что насилие может и должно быть рассмотрено в контексте основных постулатов гендерной методологии. Однако, с другой стороны, данное исследование призвано формировать осторожное отношение к оперированию гендерными терминами и схемами в экспликации базовых предпосылок проблемы насилия. Гендерный характер насилия не означает того, что все насилие в мире совершается мужчинами против женщин. Эта упрощенная формулировка воспроизводит классическую эссенциальную схему гендерной поляризации и «войны» полов [Аванесов 2016, 296]. Сексизм и андроцентризм вовсе не означают, что мужчины подавляют женщин. Гендерная методология, в действительности, открывает более сложную, подвижную, историчную схему подавления и мужчин, и женщин со стороны нормативного канона гегемонной маскулинности. Этот идеализированный и идеологизированный эталон функционирует в культуре как некий безальтернативный этический императив, задающий четкие основания социальной структуры в целом и стабилизирующий социальную систему посредством многообразных практик насилия. Никто не остается в выигрыше в рамках этой уникальной игры социальных сил, подчиняющей «кумиру» гегемонной маскулинности в конечном итоге все и вся.

Мужчины и мальчики, таким образом, в не меньшей степени оказываются подчинены техникам гендерного насилия, от постоянного страха не соответствовать эталону «настоящей мужественности» [Бадентэр 1995; Бурдые 2005; Киммел 2006^b] до формирования психологии насильника или виктимизации посредством систематического физического, психического, символического или сексуального насилия. Быть мужчиной в современном обществе – не самая простая задача. Представители мужских исследований (Men's studies) заявляют о целом ряде тревожных факторов мужской ситуации в современном мире: мужская сверхсмертность, мужской алкоголизм, наркомания, игромания, рисковое поведение, преступность, склонность к физической агрессии и бытовое насилие, мужские депрессии и самоубийства, отсутствующее отцовство, эмоциональная неразвитость и алекситимия, феминизация системы образования [Хитрук 2016^b, 6]. К сожалению, собственно «мужской» контекст всех этих проблем зачастую недооценивается или вовсе игнорируется в общественном дискурсе. Тенденция рассматривать такие вопросы, как, например, алкоголизм, в общечеловеческом контексте игнорирует гендеризованные основания данного феномена, а следовательно, препятствует его адекватному анализу и осмыслению в качестве одного из ключевых элементов традиционного представления о «настоящей» мужественности [Хитрук 2016^a, 93–94].

Мужской характер насилия, должен быть осмыслен, прежде всего, в двух аспектах. С одной стороны, насилие является стабилизирующим элементом мирового

гендерного порядка, базирующегося на нормативном каноне гегемонной маскулинности, и именно в этом нормативном поле насилие представляет собой «мужской феномен». С другой же стороны, реальными жертвами гендеризованного насилия становятся как женщины, так и мужчины, для которых традиционное представление о мужественности делается не только символической, но и вполне реальной «угрозой для жизни» [Бадентэр 1995, 230]. Поэтому проблема насилия как гендеризующего механизма культуры представляет собой достаточно серьезный комплекс вопросов о мужском характере конкретных насильственных практик, к анализу которых исследователи должны подходить с достаточной степенью осторожности. Как отмечает Коннелл, «почти все солдаты – мужчины, но большинство мужчин – не солдаты. Хотя большинство убийц являются мужчинами, большинство мужчин никогда не убивают и даже не совершают нападение. Хотя ужасающее количество мужчин совершает изнасилование, большинство мужчин этого не делают. Имеет огромное значение, как теоретически, так и практически, тот факт, что в мире есть много мужчин не практикующих насилие» [Connell 2001 web].

Стратегия мира

Исследование насилия в гендерном аспекте открывает как перспективу осознания глубинной природы насильственных практик, имеющих отношение к самой структуре социального устройства, так и перспективу поиска путей по преодолению насилия. Оптимистическая позиция заключается в том, что в обществе постепенно набирает силу тенденция плюрализации мужских практик и эталонов поведения: мужчины меняются и дают надежду на изменение самого гендерного порядка культуры. Такие современные практики, как «ответственное» и «новое» отцовство [Клэцина 2009, 39], мужские движения и общественные организации, проблематизирующие традиционное представление о маскулинности, могут быть рассмотрены как значимые шаги по освобождению мужчин от репрессивного давления эталона гегемонной маскулинности. Как отмечает испанский исследователь Оскар Фернандес-Альварес, «маскулинность означает разные вещи для разных мужчин в разном возрасте в различные периоды и в различных обществах» [Fernández-Alvarez 2014, 49]. Маскулинность исторична и динамична, она может меняться, и более всего это подтверждают современные «новые» мужчины. Эти «другие» мужчины появляются на наших глазах, «открытые для эмоций и иных способов понимания мира, заботящиеся о своих детях» [Ibid., 53]. Эти «новые» мужчины не так заметны, поскольку не являются лидерами, не появляются в новостях, не обманывают, не насилуют и не убивают. Они не желают быть в центре внимания, но они существуют и самим своим существованием меняют общество, в котором живут, любят и заботятся о других. Реализация мужского доминирования «любой ценой», избегание чувств и эмоций все большим количеством мужчин начинают восприниматься как вредоносный категорический императив традиционной маскулинности, которому можно и нужно оказывать сопротивление.

Однако само наличие мужчин, «вовлеченных в гендерные преобразования» [Connell 2005, 1817], еще не является гарантией преодоления традиционного гендерного порядка. Его устойчивость, поддерживаемая как на уровне дуалистического типа мышления, так и на уровне телесных практик, воплощающих бинаризм и гендерную иерархию, подтверждена не одной тысячей лет человеческой истории. Более того, наличие альтернативных моделей маскулинности в определенном смысле необходимо для поддержания традиционной структуры гендерных отношений, поскольку гегемония подразумевает именно согласование различных социальных сил, а не тоталитарное исключение альтернативы.

Важнейшим фактором стабильности гендерного порядка является использование тела в качестве носителя информации. Как отмечает Коннелл, «гендер – это социальная практика, относящаяся к телам и к тому, что делают тела» [Коннелл 2015^b, 53]. В определенном смысле тело оказывает сопротивление гендерным преобразованиям

культуры, поскольку представляет собой универсальный, легко «считываемый» носитель бинарного кода цивилизации. До того, как конкретный индивид начинает осознавать необходимость преодоления андроцентризма и гендерной иерархии, его тело уже сформировано как наглядный носитель информации о двух различных типах походки, жестикуляции, осанки и т.п. Ригидность телесных практик в определенном смысле держит человечество «в заложниках» у традиционной системы гендерного порядка. Как отмечает Пьер Бурдьё, эта сила «есть социальное трансцендентальное, ставшее телом и функционирующее как *amor fati*, это телесная предрасположенность осуществлять свою самость, ставшую социальной сущностью, и таким образом превращенная в судьбу» [Бурдьё 2005, 310].

Таким образом, вопрос о том, сможет ли взрослеющее человечество преодолеть не только конкретные формы гендерного порядка, но и его основополагающие установки, остается открытым. И вместе с ним открытым остается вопрос об уменьшении масштабов насилия, до сих пор ни разу в истории человечества не дававшего свои позиции. Общество как «слепой великан, который корчится в муках, от боли грызет самого себя и не находит выхода своим силам» [Франк 2017 web], остается великой загадкой для своих просвещенных представителей, способных осознать причины разворачивающейся драмы, но не способных повлиять на ее исход.

Ссылки – References in Russian

- Аванесов 2016 – *Аванесов С.С.* Человек в норме. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2016.
- Бадентэр 1995 – *Бадентэр Э.* Мужская сущность / Пер. с фр. И.Ю. Крупичевой, Е.Б. Шевченко. М.: Новости, 1995.
- Бем 2004 – *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004.
- Бурдьё 2005 – *Бурдьё П.* Мужское господство // *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр.; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–365.
- Гилинский 2013 – *Гилинский Я.И.* Социальное насилие. СПб.: Алф-Пресс, 2013.
- Грашши 1959 – *Грашши А.* Избранные произведения. В 3 т. Т. 3: Тюремные тетради / Пер. с ит. В.С. Бондарчука, В.Я. Егермана, И. Б. Левина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
- Зиммель 1996 – *Зиммель Г.* Женская культура // *Зиммель Г.* Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 234–265.
- Киммел 2006^a – *Киммел М.* Гендерное общество / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
- Киммел 2006^b – *Киммел М.* Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности / Пер. И.В. Кривушина // *Гендерные исследования.* № 15. Харьков: ХЦГИ, 2006. С. 34–52.
- Клёцина, Иоффе 2006 – *Клёцина И.С. Иоффе Е.В.* Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // *Женщина в российском обществе.* 2015. № 1. С. 4–17.
- Клёцина 2009 – *Клёцина И.С.* Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе.* 2009. № 3 (52). С. 29–41.
- Коннелл 2001 – *Коннелл Р.* Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 851–879.
- Коннелл 2015^a – *Коннелл Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Авториз. пер. Т. Барчуновой; науч. ред. пер. И. Тартаковская; подгот. рус. версии примеч. и библиогр. О. Ечевской. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Коннелл 2015^b – *Коннелл Р.* Гендер как структура социальной практики // *Техника «косого взгляда».* Критика гетеронормативного порядка. Сб. ст. / Под ред. И. Градинари; пер. с англ. К. Бандуровского, И. Кушнаревой, Л. Фирсавой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015 (Библиотека журнала «Логос»). С. 48–64.
- Поллак 2014 – *Поллак У.* Настоящие мальчики. Как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве / Пер. Е. Жолниной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ресурс, 2014.
- Сизова 2013 – *Сизова И.Л.* Гендерная специфика насилия в школе: опыт немецких исследований // *Социокультурные корни насилия в современном обществе* / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. С. 367–371.
- Франк 2017 web – *Франк С.Л.* Смысл жизни // http://www.vehi.net/frank/smysl_zhi.html

Хитрук 2016^a – Хитрук Е.Б. «Мужской вопрос» в XXI в.: развитие комплексного подхода к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 91–97.

Хитрук 2016^b – Хитрук Е.Б. «Мужской вопрос» в современном обществе: постановка проблемы // Мужской вопрос» в XXI веке: развитие комплексного подхода к изучению маскулинности: сборник материалов круглого стола (23.10.15) / Под ред. Е.Б. Хитрук. Томск: Изд. Дом Томского гос. ун-та, 2016. С. 4–7.

References

Alison, Miranda. (2007) “Wartime Sexual Violence: Women’s Human Rights and Questions of Masculinity”, *Review of International Studies*, Vol. 33, pp. 75–90.

Avanesov, Sergey S. (2016) *Normal Person*, Ofset-TM, Novosibirsk (in Russian).

Badinter, Elisabeth (1992) *XY de L’Identité masculine*, Odile Jacob, Paris (Russian translation).

Bem, Sandra L. (1993). *The Lenses of Gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality*, Yale University Press, New Haven (Russian Translation).

Bourdieu, Pierre (1990) “La domination masculine”, *Actes de la recherche en sciences sociales*, No. 84, pp. 2–31 (Russian Translation).

Bozkurt, Veysel, Tartanoglu, Safak, Dawes, Glenn (2015) “Masculinity and Violence: Sex Roles and Violence Endorsement among University Students”, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 205, pp. 254–260.

Connell, Bob (2001 web) “Masculinities, Violence, and Peacemaking”, *Peace News*, Issue 2443, <https://www.peacenews.info/node/3613/masculinities-violence-and-peacemaking>

Connell, Raewyn (2005) “Change among the Gatekeepers: Men, Masculinities, and Gender Equality in the Global Arena”, *Signs*, Vol. 30, No. 3, pp. 1801–1825.

Connell, Robert W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*, Allen and Unwin, Sydney (Russian Translation).

Connell, Robert W. (1995) *Masculinities*, Allen & Unwin, Sydney (Russian Translation).

Connell, Robert W. (1998) “Masculinities and Globalization”, *Men and Masculinities*, Vol. 1 (1), pp. 3–23 (Russian Translation).

Fernández-Álvarez, Óscar (2014) “Non-Hegemonic Masculinity against Gender Violence”, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 161, pp. 48–55.

Frank, Semyon L. (2017 web) *The Meaning of Life*, http://www.vehi.net/frank/smysl_zhi.html (in Russian).

Gilinsky, Yakov I. (2013) *Social Violence*, Alef-Press, SPb (in Russian).

Gramsci, Antonio (1948) *Quaderni del carcere*, Einaudi, Torino (Russian Translation).

Khitruk, Ekaterina B. (2016) “‘The Male Question’ in Modern Society: Statement of the Problem”, “Male Question” in the 21st Century: Developing an Integrated Approach to the Study of Masculinity: a Compendium of Round Table Materials (23.10.15), Izdatel’skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Tomsk, pp. 4–7 (in Russian).

Khitruk, Ekaterina B. (2016) “‘The Male Question’ in the 21st Century: the Development of an Integrated Approach to the Study of Masculinity”, *Woman in Russian Society*, No. 2, pp. 91–97 (in Russian).

Kimmel, Michael S. (1994) “Masculinity as Homophobia: Fear, Shame, and Silence in the Construction of Gender Identity”, *Theorizing Masculinities*, Sage Publication, pp. 119–141 (Russian Translation).

Kimmel, Michael S. (2000) *The Gendered Society*, Oxford University Press, New York (Russian Translation).

Kimmel, Michael S. (2004 web) “A Black Woman Took My Job”, *New Internationalist*, Issue 373, <https://newint.org/features/2004/11/01/men/>

Kletsina, Irina S. (2009) “Paternity in Analytical Approaches to the Study of Masculinity”, *Woman in Russian Society*, № 3 (52), pp. 29–41 (in Russian).

Kletsina, Irina S., Ioffe, Elena V. (2015) “Gender Approach in the Analysis of the Violence Causes in Intimate Relationships between Men and Women”, *Woman in Russian Society*, № 1, pp. 4–17 (in Russian).

Omar, Audrey R. (2011 web) “Masculinity and the Acceptance of Violence: a Study of Social Construction”, *MA (Master of Arts) Thesis*, University of Iowa, <http://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2433&context=etd>

Pollack, William S. (1998) *Real Boys: Rescuing Our Sons from the Myths of Boyhood*, Random House, New York (Russian Translation).

Seymour, Kate (2011 web) “(Re)Gendering Violence: Men, Masculinities and Violence”, *The Australian and New Zealand Critical Criminology Conference Proceedings*, Sydney https://ses.library.usyd.edu.au/bitstream/2123/7381/1/Seymour_ANZCCC2010.pdf

Simmel, Georg (1911) “Weibliche Kultur”, *Philosophische Kultur. Gesammelter Essais*, Verlag von Dr. Werner Klinkhardt, Leipzig, pp. 278–319 (Russian Translation).

Sizova, Irina L. (2013) “The Specific Gender Character of Violence at School: the German Studies Experience”, *Social-cultural Roots of Violence in Modern Society*, NISOC, N. Novgorod, pp. 367–371 (in Russian).

Сведения об авторе

ХИТРУК Екатерина Борисовна –
доктор философских наук, профессор,
кафедры онтологии, теории познания
и социальной философии.

Author’s Information

KHITRUK Ekaterina B. –
DSc in Philosophy, Professor,
Department of Ontology, Theory of Knowledge
and Social Philosophy. Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation.